

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС КОНЦЕПЦИИ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ / ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Савчук Т.П.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

По данным ряда социологических исследований большинство граждан Беларуси главным событием прошлого столетия назвали Победу в Великой Отечественной войне [13]. Война оценивается исторической памятью как наиболее значимое событие, во-первых, потому, что эта память связана с историей каждой семьи, поскольку это событие затронуло самые существенные и сокровенные стороны в личной жизни людей. Во-вторых, это событие определило будущее всего мира, и поэтому его оценка базируется не только на осознаваемом, но и на интуитивном признании роли этой войны в истории всего человечества [15]. В-третьих, историческая память про победу в Великой Отечественной войне, как справедливо утверждает директор Института социологии НАН Беларуси И.В. Котляров, «выступает структурообразующим элементом духовного состояния белорусского народа, фактором его сплочения и мобилизации на преодоление существующих проблем, на решение насущных экономических, социальных и политических задач» [8, с. 133]. В связи с этим актуальность темы памяти о войне не вызывает сомнений. Целью представленного исследования является анализ концептуальных подходов к проблеме военной памяти, а также рассмотрение основных сущностных характеристик процесса мемориализации.

Научная постановка обозначенной тематики связана с разработками зарубежных исследователей второй половины XX–начала XXI в. [18, 19]. Последние годы дискуссии вокруг памяти о Великой Отечественной / Второй мировой войне широко аккумулируются в российской интеллектуальной среде, результатом которых явилось внедрение самостоятельных междисциплинарных проектов, производящих значительные в своём роде результаты [1, 2, 12, 14]. Что касается отечественной гуманитарной науки, то приходится, к сожалению, констатировать отсутствие серьёзных достижений в данном направлении. Тема памяти о Великой Отечественной войне в Беларуси представлена в ограниченном количестве отдельных публикаций [6, 9, 10, 11], которые, в основном, отражают те или иные формы увековечения памяти в неком, материальном или духовном, субстрате, что является конечным этапом процесса мемориализации. Вместе с тем, немаловажным является то, что научные исследования в области исторической памяти были объявлены одним из приоритетных направлений в деятельности Института исторических исследований Беларуси (ИИИБ) [7], который был создан в Европейском гуманитарном университете (ЕГУ) в 2007 г. Несомненна значимость проекта «Женщины. Память. Война», реализуемого Центром гендерных исследований ЕГУ [5]. Определённый интерес при рассмотрении данной проблемы представляют публикации белорусского социолога А.Л. Ластовского, отражающие те или иные аспекты темы исторической памяти в Беларуси [13]. В связи с этим можно полагать, что определённые предпосылки для развития исследований в области военной памяти в нашей стране всё же заложены.

В литературе, посвященной анализу мемориальной культуры, выделяют два подхода: культуральные исследования (cultural studies) и исследования военной памяти (war memory studies). В первом случае мемориализация рассматривается как совокупность символов и практик, формирующих значение мемориализируемого события. Во втором – содержание, структура и элементы мемориальной культуры зависят от того, как определяется память о войне. Теоретические основы исследования исторической памяти были заложены в работах французского социолога М. Хальбвакса [17]. Он трактовал историческую память через понятие коллективных представлений. Необходимо подчеркнуть, что М. Хальбваксом была оформлена ещё одна важная категория – понятие «коммеморации» (commemoration). Им определяются все многочисленные способы, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом [4].

Таким образом, речь идёт о памяти в отношении реального исторического события, разделяемой многими членами социальной группы и запечатлённой в меняющемся объёме культурных символов, которые понятны и значимы для членов этой группы. В настоящее время в исследованиях военной памяти выделяют: государственно ориентированный, личностно ориентированный и объединительный подходы к памяти о войне. В государственно ориентированном подходе память о войне понимается как политический феномен, инструмент строительства нации. Сторонники личностно ориентированного направления рассматривают военную память как явление индивидуальное, результат личной утраты, травматической реакции личности на смерть близких. В этом подходе психологическая травма личности (или коллективная травма представителей причастных к событию групп) определяет формы мемориализации войны. Однако современные исследователи памяти более склонны к развитию третьего – объединительного – направления. В этом подходе строится многомерная модель анализа памяти о войне, репрезентацию которой одновременно определяют структурные условия функционирования общества (политика государства) и «чувства» отдельных людей и социальных групп, пострадавших от войны [3].

Одно из направлений объединительной парадигмы разрабатывают французские исследователи памяти, к примеру, П. Нора, который развил идеи М. Хальбвакса [16]. В работах представителей данного направления память о войне определяется как конструируемый, контекстуальный феномен – «место памяти» (понятие П. Нора), значение которого выкристаллизовывается в ритуале коммеморации. «Коммеморация определяется как процесс, который мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события, содержит в себе социальное и культурное видение памяти о коммеморативном событии, [...] служит выражением солидарности группы» [3]. Такой подход, на наш взгляд, должен применяться в ходе исследования мемориальной культуры Великой Отечественной войны в Беларуси, которая является как конструируемым, так и структурно обусловленным феноменом, зависящим от политики государства в отношении войны, а также от позиции участников коммеморации.

Не менее важной проблемой в контексте рассматриваемой темы является вопрос о границах репрезентации войны. В частности, относительно проблемы Холокоста среди ряда зарубежных исследователей популярным является тезис о том, что Холокост выходит за пределы репрезентации. Никакие возможности выражения, доступные современному человеку – научные, художественные, религиозные или какие-либо иные, – не способны передать опыт жертв. Эта идея как нельзя лучше отражена в знаменитом афоризме Теодора Адорно – «Варварство писать поэзию после Аушвица» [12, с. 128–129]. В связи с этим имеют место сомнения о возможности, а вместе с тем и необходимости репрезентации войны во всём комплексе её трагедии и героизма, многогранности проявления «человеческого» и «нечеловеческого», сложности и разнообразия военной повседневности. Разница двух подходов, усилившаяся со сменой поколений, воспроизводит динамику чувств самих жертв войны. В связи с этим исследователь культурной памяти А. Эткнд приводит следующий пример. Писатель П. Леви, выживший в Аушвице, заметил, что если бы его спросили сразу после освобождения, что он хотел бы сделать с лагерем, он ответил бы: «Сотрите его с лица земли вместе с нацизмом и немцами», – но теперь, сорок лет спустя, он предпочёл бы, чтобы на том месте стоял бы «предупреждающий монумент» [12, с. 131]. Относительно проблемы выражения памяти о войне немаловажным нам представляется то, что для всех жанров памяти, профессиональных и популярных, важно соблюдать некие этические и политические нормы. В частности такие, как стремление к объективности, уважение к чужому горю, чувство такта в отношении к современникам и потомкам.

Составной частью процесса мемориализации как совокупности механизмов сохранения и передачи памяти являются формы репрезентации памяти. Культуролог А. Эткинд, рассматривая структуру исторической памяти, проводит компьютерную аналогия, различая твёрдую и мягкую память (hardware and software). Твёрдая память хранится в делящемся во времени материальном субстрате – прежде всего в памятниках и других долгосрочных материалах. Государственные акты, юридические решения, географические названия тоже несут в себе долговременную память. Мягкая память имеет текстуальный характер и хранится в текущем публичном дискурсе. Принципиальное значение имеют не отдельные формы памяти, а взаимодействие между ними. Собственно функцию памяти играют не сами памятники, а написанные на них тексты. Тексты же без памятников эфемерны и требуют закрепления в некоем материале. Кроме того, разные формы памяти связаны с разными политическими институтами. Мягкая память не зависит от государства и полностью принадлежит гражданскому обществу. С другой стороны, носители твёрдой памяти находятся под контролем государства. Подобно тому, как координация различных ветвей власти является условием их функционирования, так и взаимодействие разных форм памяти является залогом их нормального развития [12, с. 145–165].

Таким образом, память о Великой Отечественной / Второй мировой войне представляет собой уникальное социальное и культурное явление. Эта память может передаваться от поколения к поколению посредством различных символов и практик, составляющих сложный процесс мемориализации. Она воплощена в различных формах в литературе, кинематографе, музыкальных произведениях, монументальных мемориалах и архивах, устных и письменных свидетельствах и неправительственных организациях и, наконец, в средствах массовой информации. Сохранение (забвение) памяти о Великой Отечественной войне напрямую зависит от участников коммеморации: политики государства и отдельно взятого человека, социальной группы, общества.

Список цитированных источников и литературы

1. Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии: Сб. ст. / Центр совр. культ.-ист. исслед-й; редкол.: И. В. Нарский [и др.]. – Челябинск, 2004. – 544 с.
2. Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления / гл. ред. Е. С. Сенинская. – М.: Рос. полит. энцикл., 2005. – 464 с.
3. Данилова, Н. Мемориальная версия Афганской войны (1979–1989 годы) / Н. Данилова // Неприкосновенный запас [Электронный ресурс]. – 2005. – № 2–3 (40–41). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/dan17-pr.html>. – Дата доступа: 02.12.2008.
4. Дахин, А.В. Исследования социально-исторической памяти: философия, история, социология / А.В. Дахин // Вестник ВВАГС [Электронное издание]. – 2009. – № 1. Режим доступа: http://nauka.vva.gs.ru/index.php?name=art&art_id=135. – Дата доступа: 02.08.2010.
5. Женщины. Память. Война [Электронный ресурс] / Центр гендерных исследований. Европейский гуманитарный университет. – Минск, 2006–2007. – Режим доступа: <http://www.gender-ehu.org/project.htm>. – Дата доступа: 05.03.2010.
6. Журавков, М.А. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв фашизма в учебно-воспитательном процессе в учреждениях образования / М.А. Журавков // Великая Победа: героизм и подвиг народов: материалы Междунар. научн. конф (Минск, 28–29 апреля 2005 г.): в 2 т. / Ин-т истории НАН Беларуси; редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. – Минск, 2006. – Т. 2. – С. 175–178.
7. Институт исторических исследований Беларуси [Электронный ресурс] / Европейский гуманитарный университет. – Минск, 2006–2007. – Режим доступа: http://www.chu.lt/science/research_centers/historical_research_belarus/. – Дата доступа: 02.08.2010.

8. Катляроў, І.В. Памяць аб Вялікай Айчыннай вайне – свяшчэнная / І.В. Катляроў // Польша. – 2009. – № 7. – С. 132–135.
9. Коваленя, А. Памятнікі,obelіскі, меморіалы / А. Коваленя // Беларуская думка. – 2007. – № 6. – С. 4–11.
10. Коваленя, А.А. Памяць о героической борьбе советских людей в годы Великой Отечественной войны – бессмертна / А.А. Коваленя // 1941 г.: трагедия, героизм, память: материалы Междунар. науч. конф., посв. 65-й годовщине нач. Великой Отечеств. войны, Брест, 22–23 июня 2006 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории НАН Беларуси; редкол.: М. Э. Чесновский [и др.]. – Брест, 2007. – С. 15–28.
11. Козак, К.І. Мемарыялізацыя вайны: сацыяльныя аспекты / К.І. Козак // Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў: матэрыялы міжнароднага навуковага семінара 1 верасня 2003 г., Мінск; адк. рэд. В. Ф. Балакіраў. – Мінск: НАРБ, 2004. – 208 с.
12. Культуральныя ісследаванні: сб. науч. работ / Европ. ун-т в Санкт-Пецярбургу; под ред. А. Эткінда [и др.]. – СПб.; М.: Европ. ун-т в Санкт-Пецярбургу, Летний сад, 2006. – 528 с.
13. Ластовский, А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой / А. Ластовский // Полит.ру [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: [29http://www.polit.ru/research/2010/07/19/belorus.html](http://www.polit.ru/research/2010/07/19/belorus.html). – Дата доступа: 02.08.2010.
14. Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре // Журнальный зал [Электронный ресурс]. – 2005. – № 2–3. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/>. – Дата доступа: 02.12.2008.
15. Тощенко, Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния / Ж.Т. Тощенко // Новая и новейшая история [Электронный ресурс]. – 2000. – № 4. – Режим доступа: – <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM>. – Дата доступа: 17.02.2010.
16. Франция-Память / П. Нора [и др.]; пер. с фр. Д. Хагаевой. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. – 328 с.
17. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с франц. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 346 с.
18. Kansteiner, W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies / W. Kansteiner // History and Theory. – 2002. – № 41. – P. 179–197.
19. Mitscherlich, M. and A. The Inability to Mourn / M. and A. Mitscherlich. – New York: Grove, 1975. – 322 p.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ ПОЛЬСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЛАСТЕЙ К РАСПРОСТРАНЕНИЮ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ УНИИ В ФОРМЕ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСТВА ИЗ ГАЛИЦИИ В 1921–1931 гг.

Свирид А.Н.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

Западная Беларусь по условиям Рижского мирного договора вошла в состав возрождённого польского государства – Второй Речи Посполитой. На территории Западной Беларуси в период 1921–1939 гг. было сделано несколько попыток распространения униатства. Одна из попыток была связана с деятельностью греко-католической церкви Галиции, которая вела своё начало с Брестской унии 1596 г. Однако Рим и польский римско-католический епископат готовили на белорусских землях распространение униатства